
М. И. ШАПИР

СТАТЬИ
О ПУШКИНЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2009

ББК 81.031
Ш 23

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 07-06-07029)*

Р И

Шапир М. И.

Ш 23 Статьи о Пушкине / Сост. Т. М. Левина; Изд. подгот. К. А. Головастиков, Т. М. Левина, И. А. Пильщиков; Под общ. ред. И. А. Пильщикова. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 400 с. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 978-5-9551-0313-6

В книге собраны основные пушкиноведческие работы М. И. Шапира (1962—2006). Это статьи по истории и типологии пушкинского стиха и стихотворного синтаксиса, конкретные поэтико-герменевтические и компаративистские этюды, исследования по эволюции стилей в русской поэзии, выявляющие принципиальную роль бурлеска в национальной поэтической традиции от Ломоносова до Пушкина, а также разыскания в области пушкинской текстологии.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0313-6

9 785955 103136 >

© М. И. Шапир (наследники), 2009
© И. А. Пильщиков, указанные статьи, 2009
© Т. М. Левина, составление, 2009
© Языки славянских культур, 2009

Оглавление

От составителя (<i>Т. М. Левина</i>)	7
--	---

І. Стих

Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)	11
Нечто о «механизме российских стихов», или Почему Онегин не мог отличить ямба от хорея	71
Статьи для «Онегинской энциклопедии»	75
Стих	75
Строфа	80
Октава	86
Рифма	91

ІІ. Поэтика и герменевтика

Пушкин и Овидий: дополнение к комментарию («Евгений Онегин» 7, лп: 1–2)	105
Пушкин и Овидий: новые материалы (Из комментариев к «Евгению Онегину»)	109
Как звали няню Татьяны Лариной? (Из комментариев к «Евгению Онегину»)	116
Пушкин и русские «заветные» сказки: О фольклорных истоках фабулы «Домика в Коломне»	119
Семантические лейтмотивы иронико-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров)	124
Стихотворец и публика в пушкинском отрывке «Не смотря на великие преимущества...» (Дополнения к комментарию) (совместно с <i>И. А. Пильщиковым</i>)	191

III. Историческая стилистика

«...Хоть поздно, а вступленье есть» («Евгений Онегин» и поэтика бурлеска)	199
О неровности равного: Послание Пушкина «Калмычке» на фоне макроэволюции русского поэтического языка	209
Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина (Набросок концепции) (<i>совместно с И. А. Пильщиковым</i>)	218

IV. Текстология

О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика)	249
Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина	265
«Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста	275
Отповедь на заданную тему. К спорам по поводу текстологии «Евгения Онегина»	303
Текстология vs аксиология (Еще раз об авторстве баллады Пушкина «Тень Баркова») (<i>совместно с И. А. Пильщиковым</i>)	320
Библиография	346
Список работ М. И. Шапира о Пушкине.....	392
Summary	392
Contents.....	398

От составителя

В этой книге собрано почти всё, что М. И. Шапир написал о Пушкине.

Шапир начал заниматься Пушкиным довольно поздно, в 1991 году. Ему было 29 лет, за его плечами был комментарий к «Филологическим исследованиям» Г. О. Винокура, неопубликованная (до сих пор) рукопись книги «Принцип семантических отношений» и около 25 статей, в том числе очень для него значимых. Открывающая ряд его пушкинских работ статья «Из истории русского „балладного стиха“: *Пером владеет как елдой*»¹ не была исключительно и непосредственно посвящена Пушкину; речь в ней шла главным образом о становлении одной из семантических окрасок «пародического балладного стиха» и о том, как в борьбе со «славенофилами», писавшими «не для дам», карамзинисты — в первую очередь Батюшков и молодой Пушкин — обращались к опыту обценной бурлескной поэзии XVIII века.

На протяжении 1990-х — 2000-х годов интерес Шапира к Пушкину усиливался, число посвященных ему работ возрастало. В них можно вычленить несколько взаимосвязанных направлений, которые и легли в основу логической структуры настоящей книги. Прежде всего это изучение пушкинского стиха и стихотворного синтаксиса (часть I), затем конкретные поэтико-герменевтические и компаративистские разыскания (часть II), исследование эволюции стилей в русской поэзии, выявляющее принципиальную роль бурлеска в национальной поэтической традиции (часть III), и, наконец, текстология — то направление, которое, наравне с изучением и изданием обценного Пушкина, вызывало наибольшее сопротивление филологического мира (часть IV).

¹ См.: Из истории русского «балладного стиха»: *Пером владеет как елдой* // *Russian Linguistics*. 1993. Vol. 17, № 1. P. 57—84. С исправлениями и дополнениями: Из истории «пародического балладного стиха»: 1. *Пером владеет как елдой* // *Анти-мир русской культуры: Язык; Фольклор; Литература*. М.: Ладомир, 1996. С. 232—266; К семантике «пародического балладного стиха»: («Тень Баркова» в контексте полемики о старом и новом слоге) // Шапир М. И. *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков*. М.: Языки рус. культуры, 2000. Кн. 1. С. 192—223. (*Philologica russica et speculativa*; T. I).

М. И. Шапир намеревался подготовить издания «Домика в Коломне» и «Евгения Онегина», текстологически корректные и полно прокомментированные, вбирающие весь опыт работы предшественников и дополняющие их результатами последних изысканий. В течение года он читал спецкурс по «Домику в Коломне», разбирая, строчка за строчкой, эту небольшую поэму. Однако успел он вместе с И. А. Пильщиковым издать так, как считал нужным, только «Тень Баркова», предложив притом принципиально новую реконструкцию текста².

Летом 2006 года, когда Шапир обдумывал, какой будет эта книга (предполагалось, что она выйдет в малой серии издательства «Языки славянских культур»), ему очень понравилось предложение поместить на обложку в качестве фона акварель Григория Гагарина 1833 года, изображающую Дворцовую площадь со строящимся, еще в лесах, Александрийском столпом — как образ незавершенности большого проекта.

Если бы книгу делал сам автор, многое было бы иначе. В частности, он, скорее всего, убрал бы повторы примеров, которые проходят через разные статьи, особенно в последнем разделе, посвященном текстологии. Но мне остается только печатать эти работы такими, какими они остались.

Три статьи из вошедших в сборник написаны при участии И. А. Пильщикова.

Произведения Пушкина, за исключением особо оговоренных случаев, цитируются по большому академическому изданию (*Пушкин*. Полное собрание сочинений. [М.; Л.], 1937—1949. Т. 1—16). При ссылках на это издание указываются только номера томов и страниц.

В заключение хотелось бы выразить благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований, взявшему на себя финансирование публикации сборника; издательству «Языки славянских культур», чья инициатива издания такой книги возникла еще при жизни автора; И. А. Пильщикову, К. А. Головастикову, А. С. Белоусовой, В. С. Белоусовой и М. В. Акимовой за помощь в работе.

Т. Л.

² См.: *Пушкин А. С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы* / Изд. подгот. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М.: Языки слав. культуры, 2002. (*Philologica russica et speculativa*; Т. II).

Часть I

СТИХ

Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)*

1. Предварительные замечания. В статье описываются три разных типа организации русского стихотворного синтаксиса в их наиболее «крайних», «предельных» исторических воплощениях. Поэтому исследование носит прежде всего типологический характер, но полученные результаты, на мой взгляд, также немало говорят об эволюции русского поэтического языка и могут быть востребованы как подготовительные материалы к его исторической грамматике. Речь идет главным образом об иерархии и тесноте межстрочных синтаксических связей, и в то же время существенное внимание уделяется грамматической структуре строки. Материалом преимущественно служит 4-стопный ямб с чередованием мужских и женских окончаний, однако для проверки выводов дополнительно привлекается ямб 5-стопный.

Основной прием, применяемый в работе, — измерение силы грамматических связей. Оно опирается на довольно дробную классификацию: в отличие от своих предшественников (историю вопроса см. Шапир 1999а: 57; 2000а: 163—164), я различаю 23 ступени последовательного усиления грамматической связанности. Это отношения: 1) между отдельными предложениями, не связанными союзом; 2) между отдельными предложениями, связанными союзом; 3) между частями бессоюзного сложного предложения; 4) между частями сложносочиненного предложения, связанными союзом; 5) между придаточными предложениями, не связанными союзом; 6) между придаточными предложениями, связанными сочинительным союзом; 7) между главным и придаточным предложением; 8) при обособленных словах и оборотах; 9) между не образующими словосочетания неоднородными членами предложения при отсутствии союза; 10) между не образующими словосочетания неоднородными членами предложения при наличии сочинительного союза; 11) между обобщающим словом и однородными членами; 12) между однородными членами при отсутствии союза; 13) между однородными членами при нали-

* Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 31—78.

чи союза; 14) между подлежащим и сказуемым; 15) между членами словосочетания в случае примыкания неизменяемых слов и форм; 16) между членами словосочетания в случае падежного примыкания или управления в переходных конструкциях; 17) между членами словосочетания в случае управления в переходных конструкциях; 18) между членами словосочетания в случае их согласования; 19) между компонентами сложных форм глагола; 20) между предлогом, союзом, частицей и словом или предложением, к которому они относятся; 21) между корневыми морфемами неударного композита; 22) между частями одноударного слова; 23) между частями морфемы или слога (примеры см. Шапир 1999а: 57—59; 2000а: 164—166)¹.

За числовое выражение грамматической связи принимается ее порядковый номер по вышеозначенной классификации. При явной синтаксической или семантической неполноте отрезка речи, предшествующего межстрочной границе, этот показатель удваивается, потому что такие связи (я их называю «двойными») носят сразу «проспективный» и «ретроспективный» характер (предыдущий стих отчасти предсказывает последующий, а последующий возвращает к предыдущему):

Изобразу ль въ картинѣ вѣрной	17 × 2
Уединенный кабинетъ,	7
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной	14 × 2
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?	1

(Пушкин 1837: 15)

Если через одну клаузулу проходит несколько связей, они учитываются все (такие связи я называю «сложными»):

Съ душою, полной сожалѣній,	10 × 2
И опершися на гранить,	(8+16) × 2
Стояль задумчиво Евгений,	7
Какъ описаль себя Пить.	1

(Пушкин 1837: 31)

¹ Эта классификация несовершенна; в частности, она страдает из-за недостаточной дифференцированности синтаксических позиций (например, в ней не учитывается разный характер связей при обособлении причастных и деепричастных оборотов, не проводится граница между падежным примыканием и управлением). С этим приходится мириться: будучи теоретически оправданной, еще бо́льшая дробность классификации сделала бы несравнимыми данные в новых и старых моих работах (см. Шапир 1998а: 53—60, 116—124; 1999а; 2000а: 161—186, 372—380, 450—457).

Разделив сумму показателей на число межстрочных границ N , мы получим средний коэффициент межстрочной грамматической связанности \bar{S} .

Надежность предложенного способа измерять тесноту синтаксических связей поставил под сомнение М. Л. Гаспаров. Он заметил, что, придавая номерам 23-х степеней статус количественных показателей, я *de facto* считаю «установленным, что (скажем) связь № 5 ровно настолько же сильнее, чем связь № 6, насколько связь № 6 сильнее, чем связь № 7, а это ведь пока не доказано»². Действительно, насколько одна связь теснее другой, мы достоверно не знаем и, может статься, никогда не узнаем. Но, на мой взгляд, это некритично вследствие многоступенчатой градации: если бы, как в пионерском исследовании Г. О. Винокура (1941а), моя классификация различала всего три типа связей, разница в силе между смежными типами при подсчетах была бы решающей, но так как этих типов 23 (причем учтены почти все возможности), то перепады между связями ближайших типов оказываются сравнительно небольшими, а потому и разница в перепадах не может значимо повлиять на результаты.

Другое возражение М. Л. Гаспарова касается удвоения показателей на клаузулах — там, где фраза принудительно требует своего продолжения. Мой оппонент спрашивал, почему связи нужно «удваивать, а не утраивать», и полагал, что «скорее уж дополнительный ретроспективный характер принимают связи на „полузамкнутых“ конструкциях», когда предложение кажется завершенным, но его продолжение заставляет оглянуться и осмыслить предыдущую строку как синтаксически неоконченную. На это можно ответить, во-первых, что различие между «замкнутыми» и «полузамкнутыми» конструкциями — весьма зыбкое: любая законченная фраза при желании может быть продолжена, и не так важно, следует ли продолжение через точку, запятую или точку с запятой (иными словами, любая «замкнутая» конструкция внутри текста, по сути, полузамкнута, ибо сказано еще не всё). А во-вторых, и «замкнутые», и «полузамкнутые» связи действуют только «ретроспективно»: последующий текст мысленно соотносится с предшествующим, но предшествующий (в силу своей подлинной или мнимой языковой завершенности) никак не предсказывает последующего. Напротив, связи в «разомкнутых» конструкциях носят сразу «проспективный» и «ретроспективный» характер: предыдущий стих, как уже было сказано, предвосхищает следующий, который, в свою очередь, отсылает к предыдущему. Подобного рода связи кажутся более сильными, поскольку действуют в обе стороны: вперед и назад, то-

² Здесь и ниже цитируется выступление М. Л. Гаспарова 1 июня 2000 г. на заседании диссертационного совета по русской литературе и фольклористике при Московском государственном университете.

гда как в «замкнутых» и «мнимозамкнутых» конструкциях — лишь назад. *Такъ думаль молодой повѣса* ⟨...⟩ — предложение как будто закончено. ⟨...⟩ *Летя въ пыли на почтовыхъ* ⟨...⟩ — между этим стихом и предыдущим «ретроспективно» устанавливается грамматическая связь. Теперь переставим деепричастный оборот в начало фразы: *Летя в пыли на почтовых, // Так думал молодой повеса...* После первой строки мы ждем непременно продолжения, хотя не знаем точно какого: вид связи проясняется вместе со следующей строкой. Поэтому, чтобы отразить двунаправленность грамматических отношений, я и предлагаю соответствующий показатель удваивать.

2. Первая реформа стихотворного синтаксиса (Ломоносовская ода).

Ломоносов разрабатывал «классическую» модель стихотворного синтаксиса: конец стиха в его одах, как правило, стремится совпасть с самой слабой синтаксической связью — лучше всего с концом предложения. Но такое совпадение не всегда достижимо: иногда предложение бывает длиннее строки. Как часто? Во многом зависит от числа пиррихий.

Известно, что в ранних произведениях Ломоносова, написанных ямбом, ударность стоп вплотную приближалась к 100%. Это способствовало согласованности стиховых и синтаксических членений — нетрудно понять почему. Среднестатистическое простое предложение проще уложить в четырехударную строку, нежели в трех- или двухударную:

Что сердце так мое пронзает?	1
Не дерск ли то Гигант шумит?	1
Не горыль с мест своих толкает?	1
Холмы сорвавши, в твердь разит?	1
Край небес уже трясутся,	3
Пути обычны звезд мятутся!	1
Никак ярится Антей злой!	1
Не Пинд ли он на Оссу ставит?	1
А Этна верьх Кавкасской давит?	1
Не Солнце ль хочет снять рукой?	1

(Ломоносов 1959, 8: 37)³

Каждый из десяти стихов этой строфы насчитывает по четыре ударения, и каждый является простым предложением.

С конца 1741 г. метрические ударения Ломоносов начал систематически пропускать. В течение пяти лет доля полноударных строк неуклонно сокращалась — чуть ли не со 100% до 20% (об эволюции ломоносовской ритмики

³ В цитируемом источнике ударения отсутствуют.